

[В. Н. ЧЕРКЕЗОВ]

Значение Бакунина в интернациональном революционном движении

Друзья и враги признают, что он был велик
мыслями, волею, неизменной энергиею.

Элизе Реклю, Карло Кафьеро

Политически и философски прекрасно образованный, обладая в высшей степени ясным и увлекательным изложением, Бакунин оставил по смерти такое количество рукописей по вопросам социальным, политическим и философским, что полное собрание его сочинений на французском языке, издаваемое под редакцией Джемса Гильома¹, уже составляет шесть томов, хотя его знаменитые письма к испанской, итальянской и другим федерациям и к деятелям Интернационала еще не изданы.

Несмотря на такое обилие произведений Бакунина, писательство в его жизни было делом второстепенным. Прежде всего Бакунин был оратор, агитатор, восторженный инициатор революционных движений, заражавший своим энтузиазмом всех окружающих. Не как спокойный ученый философ Анархии Бакунин увлекал ряд замечательных людей различных национальностей, а увлекала его обаятельная личность, «его готовность первому идти на исполнение, готовность погибнуть, отвага принять все последствия» (А. Герцен, *Посмертные сочинения.*) <...>

О Михаиле Александровиче Бакуине создалась целая литература на всех европейских языках. Кроме капитального труда доктора М. Неттлау², прекрасный биографический очерк дан Джемсом Гильомом во втором томе «*Œuvres*»³. Хороший очерк дан Альбертом Франсуа в его «*Michel Bakounine et la Philosophie de l'Anarchie*»⁴, которым пользовался Людвиг Кульчицкий при составлении своей добросовестной брошюры «*М. А. Бакунин, его идеи и деятельность*». Недурен очерк Гюбера Лагарделя⁵ «*Bakounine. Conference. 24 Janvier 1908*». Симпатичны, хотя слабы фактически, очерки итальянцев Андреа Коста⁶, Дж. Доманико⁷, Молинари⁸, Турати⁹.

На русском языке, кроме очерка А. И. Герцена, существует биография Бакунина, составленная, с явным желанием дискредитировать великого революционера, М. Драгомановым*. К сожалению, эта биография, правда, с указанием на враждебность, была перепечатана в издании сочинений Бакунина Балашевым (1906 г.)¹⁰. Покойный В. Богучарский, в своем труде «Активное Народничество семидесятых годов»¹¹, дал, хотя и беглый, но чрезвычайно добросовестный очерк жизни и деятельности Бакунина. Автор, согласно с трудами Неттлау, Гильома и Герцена, превосходно разбивает гнусные, черные клеветы Маркса, Энгельса, Либкнехта-отца¹² и других социал-демократов против Бакунина (см. страницы 63–100).

* * *

Жизнь Бакунина распадается на четыре резко отличавшихся периода:

Бакунин идеалист и гегельянец в Москве с 1835 по 1840;

Идеалист революционер в Западной Европе с 1842 по 1848;

Узник в цепях в Саксонии, в Австрии, в Шлиссельбурге с 1849 по 1856, а потом в ссылке в Сибири до июля 1861 г., когда он бежал, через Японию и С.-Штаты, в Англию;

Четвертый и последний период — Бакунин материалист, эволюционист и анархист-революционер, деятельный интернационалист вплоть до смерти — 1 июля 1876 года.

Каждый из этих периодов жизни Бакунина имел свое историческое значение. Юношей двадцати одного года, он примыкает в Москве к кружку Станкевича, сыгравшего такую важную роль в истории умственного развития русского общества в тридцатых и сороковых годах. Достаточно напомнить, что пылкому и благородному литературному критику Белинскому — «неистовому Виссариону» кружка — немецкую метафизику, а в особенности метафизику Гегеля переводил и толковал Бакунин. Даровитые, идеально чистые молодые философы, под влиянием все оправдывающей формулы Гегеля «все существующее разумно» было погрязли в глубочайшую политическую реакцию. Не войди в их среду естественник Герцен, воспитанный на французских энциклопедистах, кто знает что бы с ним стало? Материалист и политический радикал, Герцен бросил им вызов, и бой закипел. Вот рассказ Герцена о том:

«Знаете ли, что с вашей точки зрения, сказал я (Белинскому), думая поразить его моим революционным ультиматумом, вы можете

---

* Самая поразительная нелепость у Драгоманова – печатание возмутительного Катехизиса Нечаева среди писем и статей Бакунина под предлогом, что дикие измышления несчастного и малообразованного Нечаева напоминают Бакунина!

доказать, что чудовищное самодержавие, под которым мы живем, разумно и должно существовать.

— Без всякого сомнения, — отвечал Белинский и прочел мне *Бородинскую годовщину* Пушкина.

Этого я не мог вынести, и отчаянный бой закипел между нами. Размолвка наша действовала на других; круг распадался на два стана. Бакунин хотел примирить, объяснить, *заговорить*, но настоящего мира не было. Белинский, раздраженный и недовольный, уехал в Петербург и оттуда дал по нас залп в статье, которую так и назвал «Бородинской годовщиной».

Я прервал с ним все сношения. Бакунин, хотя и спорил горячо, но стал призадумываться, его революционный такт толкал его в другую сторону. Белинский упрекал его в слабости, в уступках и доходил до таких преувеличенных крайностей, что пугал своих собственных приятелей и почитателей. Хор был за Белинского и смотрел на нас свысока, гордо пожимая плечами и находя нас людьми отсталыми».

Известно, как влияние Герцена восторжествовало над Белинским и над Бакуниным, уехавшим в 1840 г. в Берлин для окончания философского образования. Толчок, данный Герценом, пробудил в Бакунине дремавшего революционера, и через два года появляется в *Deutsche Jahrbucher*¹³ Арнольда Руге (1842 г.) его знаменитая статья «Реакция в Германии» под псевдонимом француза Жюль Элизара. Заканчивалась статья фразой, ставшей знаменитой, особенно ее вторая часть. «Доверимся, — гласит фраза, — вечному духу, он разрушает и уничтожает, потому что он неизмеримый источник и вечный творец жизни. Желание разрушения есть в то же время желание созидательное».

Статья сразу сделала популярным Бакунина среди радикальной и революционной молодежи. У него завязываются связи и дружба с революционным поэтом Гервегом¹⁴, с Руге, с братьями Фогт¹⁵, с коммунистами Вейтлинга, с музыкантом Рейхелем и другими в Германии и Швейцарии. В 1844 г. русское правительство начало свои первые преследования Бакунина, и он должен был уехать из Швейцарии в Париж, куда он направился через Брюссель, где, проездом, сразу сблизился с знаменитым польским историком изгнанником Лелевелем¹⁶ и другими поляками.

В Париже он встретил своих друзей Гервега и Руге, через которых он вошел в радикально-социалистические круги. Прудон и Жорж Занд, Флокен и Ледрю-Роллен, Рейхель и Шопен¹⁷, поляки-изгнанники, социалисты всех национальностей, и между ними Маркс, составляли тот обширный круг, в котором вращался и быстро стал выработываться Бакунин, социалист, революционер и федералист с оттенками анархизма. Особенно близок он был с Прудоном, с кото-

рым, как с Белинским в Москве, он просиживал целые ночи в спорах и толкованиях диалектики. Париж в эти годы (1845–1848) был очагом социалистической, революционной и республиканской агитации. Тем, другим и третьим увлекся и жил молодой, пылкий и красноречивый Бакунин. Когда представился случай, 29 ноября 1847 г., он произнес блестящую речь, в которой уже нет и следа немецкой метафизики, уступившей место ясному и точному мышлению французскому.

За эту речь Бакунин был изгнан из Франции. Но через три месяца разыгралась Февральская революция и изгнанник возвратился из Брюсселя, а что он делал в Париже — мы видели выше (см. слова Герцена, стр. 12¹⁸). Однако Бакунин не долго оставался в Париже. Революционное брожение охватывало и Германию с Австрией, где Венгрия быстро приближалась к революции, а чехи и другие славяне заговорили о национальных правах. Бакунин поехал через Берлин в Познань, откуда он пробрался в Прагу. Он играл видную роль на славянском съезде и в Пражском восстании, но, за быстрым подавлением последнего, он возвратился в Германию, где, скрываясь от преследований, он издал нижеприводимые воззвания к славянам.

В начале 1849 г. Бакунин находился в Лейпциге. Саксонский король отказался ввести новую германскую конституцию Франкфуртского парламента, вследствие чего в мае месяце вспыхнула революция в Дрездене. Здесь Бакунин покрыл себя славой, предводительствуя при защите города от прусских войск. Город продержался всего пять дней; предводители восстания принуждены были оставить Дрезден, и Бакунин вместе с композитором Рихардом Вагнером¹⁹ и с Гейбнером²⁰ направились в Хемниц, где Вагнеру удалось скрыться у своей сестры, а Бакунина с Гейбнером арестовали. С этого момента начались долгие годы тюремного заключения в цепях, с приковыванием к стене <...>

* * *

Ко времени побега Бакунина из Сибири, европейская реакция, следовавшая за разбитой революцией 1848 г., была изжита: на Западе, особенно во Франции и в Англии, рабочее движение развилось, вопреки всем усилиям реакции, и стало принимать международный характер (Интернационал был задуман рабочими французами и англичанами в 1862 г.). А в России, впервые в истории ее внутренней жизни появилась социально-революционная демократия, известная под кличкую «нигилизма». Интернационал окончательно сложился только к концу 1866 г., а через год — в июле 1868 — Бакунин вступил членом великой Ассоциации и не замедлил проявить свою обычную энергию публициста, оратора, лектора. Как Бакунин понимал цели и приемы международного социально-революционного движения

рабочего класса — можно судить по нижепечатаемым²¹ статьям «Политика Интернационала» и «К товарищам».

Относительно распада Интернационала, интриг и клевет Маркса против Бакунина и Джемса Гильома, их чудовищно глупого изгнания из Ассоциации и распада последней поговорим ниже. А теперь обратимся к русскому революционному движению шестидесятых годов.

Великое, идеально-чистое и героическое движение в народ, охватившее русскую молодежь в 70-х годах, зародилось и развивалось все предшествовавшее десятилетие. Народничество 60-х годов распадалось на два направления: культурно-легальное и революционное, но и то и другое черпало свои идеи из Герцена, Добролюбова, Чернышевского и других авторов того же направления. На революционную часть, в частности, особенно повлияли прокламация М. Л. Михайлова²² «К Молодому поколению», прокламация «Молодая Россия»²³ с кличем: «Да здравствует социальная и демократическая республика русская!» и брошюра Бакунина «Народное дело», изданная в Лондоне в 1862 г. и призывавшая молодое поколение идти в народ.

О сближении образованного общества с народом, о служении его интересам, о задачах молодого поколения в деле народного образования, народной медицины, артелей, кооперативного кредита и прочих видов хождения и сближения с народом говорили все, и культурники, и революционеры; в большинстве случаев, они даже и работали вместе: разделение между двумя течениями тогда еще не произошло; поэтому мы и видим, что с «каракозовцами» были в самом тесном сотрудничестве такие кроткие и мирные друзья народа, как покойный Христофоров²⁴, устроитель рабочих артелей в Саратове, и мировые посредники Бибиков²⁵ и Маликов²⁶, через которых «каракозовцы» думали устроить артельную вагранку в Калужской губ. То же повторилось и в Нечаевском деле, когда рядом с действительными социалистами революционерами Успенским, Ткачевым и еще с пятью, шестью их друзьями на скамьях подсудимых сидели десятки невинных, мирных культурников друзей народа²⁷. Но выработка типа народника революционера совершалась непрерывно, и выработывался он согласно основным положениям брошюры Бакунина и прокламации «Молодая Россия». Обе власти к социальной революции, обе требовали автономии общин, областей и национальностей со свободной их федерацией. Но прокламация предлагала революцию несколько якобинскую, тогда как Бакунин звал молодежь в народ.

«Теперь главную роль в нем (в движении) будет играть народ, — говорил Бакунин. — Он есть главная цель и единая, настоящая сила всего движения. Молодежь понимает, что жить вне народа

становится делом невозможным, и что кто хочет жить должен жить для него. В нем одна жизнь и будущность, вне его мертвый мир... И если будущность для нас существует, так только в народе. Ей (молодежи) предстоит подвиг... очистительный подвиг сближения и примирения с народом».

А что же предлагал он революционерам? «...станем под знаменем *“Народного Дела”*. Затем по пунктам перечислялись требования революционеров: вся земля собственность целого народа; самоуправление местное, областное, государственное; восстановление полной свободы Польше, Литве, Украине, Финнам, Латышам и Кавказу; добровольный федеративный союз с названными народностями, и проч.».

Благодаря такой постановке революционного дела, молодежь всех национальностей приняла активное участие с самого начала движения (1861–1862). Но скоро движение приостановилось. Преследование конституционного движения и студенчества, арест и ссылка Михайлова, арест Чернышевского и закрытие *«Современника»*, надвигавшаяся и вскоре разразившаяся польская революция... все это разом отбросило в реакцию либералов поколения отцов, и мы, молодое поколение, принуждены были замкнуться в тайные, изолированные кружки. Мы пережили тогда не только враждебность к нам либералов, но даже с нашим идолом Герценом возникли недоразумения, и в довершение всех бед Бакунин, увлеченный польской революцией, а потом итальянским движением, совершенно оставил русские дела. Вплоть до лета 1868 года в кружках Москвы и Петербурга регулярных сношений с эмиграцией не было.

Уйдя в «подполье», молодое народничество не только оставалось верно вышеприведенным призывам и заветам, но действительно начало сближаться с рабочими, заводя артели (Москва, Саратов, Харьков, Нижний), причем интеллигенция, женщины и мужчины, сами работали, чтобы вести пропаганду. Московская группа, известная под именем Каракозовцев, была особенно активна, имея связи с Петербургом, с Поволжьем и во внутренних губерниях.

Вот в этот начальный период (1864–1865) и стало вырабатываться воззрение, столь скандализовавшее либералов, и за которое так нападали на непричастного Бакунина, только одобдившего, спустя пять лет, воззрение, по которому убежденному и последовательному социалисту-народнику нельзя заедать чужого хлеба, жить жизнью привилегированного общества на труде обездоленного крестьянства. Какая разница, с точки зрения производителя, между нами, только болтающими о грядущем, и нашими отцами,

жившими трудом крепостных? — Никакой, был ответ. Одинаково социальные паразиты. Выход из этого положения представляется двоякий: либо, отказавшись от всех привилегий, уехать в С.-Штаты, в страну Линкольна²⁸ и великой демократии, и там зажить трудовой жизнью свободного гражданина; либо же в самой России слиться с жизнью производителя, т. е. с народом, и повести в нем пропаганду социализма и революции. На такое дело достаточно и образования среднего с начитанностью по социализму, по истории революционных движений и современной борьбы рабочего класса во Франции и в Англии.

Но всего этого «казенная» наука наших университетов не дает. Побросаем их. К черту «казенную» науку.

Вот за это отрицание казенной науки и за решение идти на практическую работу пропагандиста социальной революции народившееся народничество и крестили прозвищами нигилистов, невежд и проч. Либеральным болтунам, нападавшим на нас, часто даже будто бы ради социализма, которого мы, народники, по их словам, не понимали да и народ не поймет, мы отвечали почти дословно* следующее: Проповедь социальной справедливости необходима в теории только для людей из привилегированных классов, а для народа эта справедливость является в конкретных и в близких ему требованиях. Самый забитый и безграмотный мужик благословит нас

за отмену солдатчины, за отмену податей,

за изгнание полиции и бюрократии всех видов, за передачу земли народу,

за даровое и научно-ремесленное воспитание его детей,

за даровую медицинскую помощь во всех видах.

Так думала и говорила молодежь конца шестидесятых годов. Легко теперь понять, с какою радостью приветствовали мы программу Бакунина и весь первый номер его журнала «Народное Дело» (1868). Получив один экземпляр в Петербурге, мы целый месяц сентябрь переписывали и распространяли его; рассылали в Москву и в провинцию. Мы нашли, наконец, в печати ясно сформулированными наши мысли, наши заветные стремления.

Отсюда и вновь расцветшая широкая популярность Бакунина, единственного из поколения отцов, ставшего на защиту революционного народничества и хождения в народ. Он стал властителем дум, он вдохновил на великий подвиг самое героическое поколение Росси — поколение семидесятых годов. В этом его бессмертная историческая заслуга.

---

* Любимая аргументация Ишутина²⁹.

Теперь, по обнаружении переписки Бакунина с Герценом³⁰, мы знаем, что его выступление в 1868 году было не случайное, а глубоко продуманный акт убежденного революционера. Оказывается, что, совершенно отрезанный от русского движения, поглощенный социалистической пропагандой в Италии, в сотрудничестве с Фанелли, Фрисчия и других³¹, он, по отрывочным сведениям, по отдельным фактам, угадывал настоящий характер движения, так называемого нигилизма, от которого даже смелый, блестящий и проницательный Герцен готов был отворотиться. <...>

Осенью 1867 г. Бакунин переселился в Швейцарию, где и провел последние годы своей жизни, проживая то в Женеве и Вене, то в Локарно. Он приехал на конгресс Лиги Мира и Свободы. Лига была задумана радикальной и частью социально-революционной демократией с участием Гарибальди, Эдгарда Кине³², Элизе Реклю, самого Бакунина и других знаменитостей того времени. Конгресс Лиги привлек внимание и симпатию передовой демократии всего мира: надеялись на всеобщее разоружение, на прогрессивное законодательство о труде и проч. Бакунин был избран в Комитет Лиги для окончательной выработки программы и устава. Печатаемое ниже³³ «Мотивированное Предложение» (Федерализм, Социализм и Антитеологизм) было написано для второго конгресса Лиги в Берне, в 1868 г.

Одновременно с женевским конгрессом Лиги, в 1867 г., заседал в Лозанне второй конгресс Международной Ассоциации Рабочих (Интернационал). Единогласным решением конгресс постановил послать Лиге адрес симпатии и солидарности с выражением готовности содействия ей в деле уничтожения постоянных армий, водворения постоянного мира и освобождения рабочих классов. Делегаты Интернационала Оджер³⁴, Кремер³⁵, Джемс Гильом, Цезарь де Пап³⁶ и другие были в восторге от речи Бакунина, выступившего, согласно выше приведенной выдержке из письма к Герцену, «чистым социалистом». Да и сам великий сын народа и воин свободы, Гарибальди, принимая делегатов Интернационала, провозгласил: «Война всем трем тираниям — политической, религиозной и социальной. Ваши принципы, господа, тоже и мои». Казалось, что радикальная демократия, по крайней мере передовое меньшинство, пойдет рука в руку с рабочим классом и Лига Мира и Свободы будет в братском союзе с Интернационалом.

Но уже на следующем конгрессе Лиги в Берне (1868) Бакунин и социалистическое меньшинство были вынуждены покинуть ее. Между покинувшими были: Элизе Реклю, Шарль Келлер*, Аристид

---

* Автор известной песни Интернационала «Ouvrier, prends la machine, prends la terre paysan!» [«Рабочий, бери машину, возьми землю, крестьянин!» (фр.)].

Рей, Жаклар³⁷, Фанелли, Фрисчия, Николай Жуковский и другие. Они немедленно основали L'Alliance Internationale de la democratic socialiste*. Декларацию принципов нового общества написал Бакунин. Декларация эта, почти дословно, появилась одновременно и по-русски, в виде программы журнала «Народное Дело», которую читатель найдет в конце этого тома. Организаторы Альянса, люди прекрасной политической репутации, не замедлили объединить, особенно во Франции, в Испании и в Италии, ряд замечательных молодых социалистов революционеров.

Бакунин, лично уже вступивший в Интернационал, предложил Генеральному Совету последнего принять и весь Альянс в целом составе и с его собственной программой. Генеральный Совет предложил распустить Альянс, а членов его, отдельно каждого, согласился принять в Ассоциацию. Став членами Интернационала, Бакунин и его друзья, а особенно Фанелли и Фрисчия, проявили большую активность пропагандистов и организаторов. За короткое время возникли секции и федерации в Италии и в Испании. А в Швейцарии сам Бакунин был неутомим: читал лекции, участвовал в изданиях Интернационала, вел обширную переписку, не пропускал собраний рабочих. Его пропаганда социализма безгосударственного, основанного на свободной ассоциации и на добровольной федерации, встретила горячую симпатию среди самых образованных, талантливых и энергичных интернационалистов. Варлен³⁸, Реклю, Малон³⁹, Пенди⁴⁰, де Пап, Робен⁴¹, Брисме⁴², Джемс Гильом, Швицгебель⁴³, Перон⁴⁴, Келлер...⁴⁵ словом, все те, кто прославились докладами и дебатами на конгрессах и в Парижской Коммуне 1871 г., были с Бакуниным.

Но успех Бакунина и его друзей с безгосударственным социализмом, встревожил государственников, особенно немцев с Марксом, Энгельсом и Либкнехтом-отцом во главе. Хотя немцев в Интернационале было мало, тем не менее случилось так, что генеральный совет великой ассоциации, заседавший в Лондоне, очутился в руках немцев, собственно говоря, Маркса и Энгельса и нескольких малообразованных стариков, немецких рабочих, уцелевших от 1848 года, и послушных орудий в руках Маркса и Энгельса. Господа эти, как мы сейчас увидим, мечтали стать диктаторами международного движения и направить последнее на легальный парламентаризм. Естественно, Бакунин и его революционные друзья были им поперек дороги. Стало настоятельно необходимо отделаться от них, удалить их из Интернационала. Они и добились своего... Но какими возмутительными средствами и какою страшною ценою!.. Разбили

---

* Международный союз (Альянс) демократического социализма (фр.).

великую ассоциацию и опозорили себя навсегда в глазах честных людей.

Как все это могло случиться? — А вот как:

В 1862 г., на второй всемирной выставке в Лондоне, английские тред-юнионы устроили дружеский прием французским рабочим, приехавшим изучить выставку. На банкете 5 августа англичане выразили желание установить постоянные сношения между рабочими различных стран. На это французы ответили предложением устроить комитеты для переписки с различными странами о нуждах рабочего класса. Все собрание единогласно приняло предложение французов.

В следующем, 1863 году, в Лондоне была организована большая международная манифестация симпатии польской революции. На митинге, в присутствии французских делегатов, Оджер, один из вожakov тред-юнионов, закончил свою речь о всеобщем мире предложением созыва международных конгрессов рабочих *для борьбы с капиталом и для прекращения ввоза из одной страны в другую неорганизованных рабочих.*

Первый шаг уже сделан. Второй и решительный был совершен и следующем, 1864 г., когда в Лондон приехали французские делегаты Лимузен⁴⁶, Перрашон⁴⁷ и Толен⁴⁸ уже с определенным планом организации Интернационала. На митинге в Сен-Мартине Гол⁴⁹, на который по четырнадцать приглашительным письмам секретаря Германа Юнга*⁵⁰ пришли, между прочими, овенист Вестон⁵¹, радикальный профессор Эдуард Бизли⁵² (председатель митинга) и Карл Маркс. В ответном адресе Толен, от имени французов, прочитал:

«Рабочие всех стран, желающие быть свободными, настало время созывать ваши конгрессы! Народ вновь выступает на сцену с сознанием своей мощи против тирании в политике, против монополии и привилегии в строе экономическом... Нам, рабочим всех стран, надобно объединиться...»

Митинг принял эти слова с восторгом и резолюция гласила:

«Выслушав наших братьев французов... принимаем их программу, полезную в деле улучшения условий жизни рабочих классов, и берем ее за основание *Интернациональной организации...*»

---

* Юнг часовщик, швейцарец, прекрасно говоривший по-английски, по-французски и по-немецки, был с самого начала другом-товарищем и переводчиком между англичанами и французами.

Митинг выбрал комитет для выработки статуты, проект которых был предложен французами; Маркс присутствовал *зрителем*, «молча», как он сам писал Энгельсу.

Так создалась великая Международная Ассоциация Рабочих (Интернационал). Английские и французские рабочие его задумали в 1862 г., в 1863 г. они сделали первый шаг, а в 1864 г. основали его без участия кого бы то ни было из буржуазии. Вся честь создания великого исторического братства народов целиком принадлежит *рабочим* Англии и Франции. «Интернационал — дитя парижских мастерских, отданное на кормление грудью в Лондон»*. Ни немцам, ни Марксу там места не было. А как только, на гибель Интернационала, они вмешались, пошла тайная вражда, клевета, интриги.

В письме к Энгельсу, сам Маркс говорит, что был приглашен на митинг, был простым зрителем и молчал. Деятелями, творцами организации были англичане Оджер, Кремер, Лукрафт⁵³ и французы Толен, Лимузен, Перрашон. В том же письме Маркс очень хвалит и тех и других. «Толен очень хорош; его товарищи тоже прекрасные люди». А впоследствии, когда Интернационал быстро стал во Франции двигательной революционной силой и лучшие его организаторы и ораторы были заключены по тюрьмам, интригующий Маркс не нарадуется их осуждению. «К счастью, — писал он своему достойному другу Энгельсу, — наши старые знакомые в Париже все под замком». Это язык сыщика и прокурора. Относительно англичан, основателей Интернационала, он был не менее враждебен. Оджер, Кремер, Лукрафт, Поттер⁵⁴ и другие честные рабочие пригласили Маркса в члены генерального совета и с полным доверием честных людей передали ему, «старому другу» рабочего класса, все дела и связи. Однако они скоро заметили, что Маркс и Энгельс систематически их оттирают и стремятся стать диктаторами. Что Оджер и друзья не ошибались, тому доказательство в письме Маркса к Энгельсу от 11 сентября 1868 г., когда Интернационал достиг своей апогеи, а во Франции надвигалась республиканская революция.

«Грядущая революция», писал он, которая, быть может, «ближе, чем то кажется, и МЫ (*то* есть Я и ТЫ) будем иметь в наших руках это могущественное орудие... паршивые свиньи между тредюнионами...» Оджер, Кремер и Поттер нам завидуют в Лондоне... Нет, эти честные люди не завидовали Марксу и Энгельсу, а заметив

---

* Знаменитая фраза учителя француза Бибаль: «Un enfant ne dans les ateliers de Paris et mis en nourrice a Londres» [дословно: «Дитя, рожденное в мастерских Парижа и отданное на вскармливание в Лондон» (*фр.*)].

их диктаторские интриги, стали отстраняться и, к несчастью, оставили все дело великой ассоциации в руках бесчестных интриганов.

* * *

Готовясь к диктатуре, считая Интернационал в своих руках, мог ли Маркс терпеть присутствие умных, образованных, энергичных и красноречивых деятелей в Интернационале? Да еще, вдобавок, автономистов, федералистов и анархистов!... Конечно, нет. Особенно Бакунин, с его мировой репутацией революционного героя, швейцарец Джемс Гильом, неутомимый писатель, конференционалист, владеющий лучше самих Маркса и Энгельса древними и новыми европейскими языками, особенно эти двое стояли поперек их дороги к до дикости нелепой цели диктатуры над мировым движением пролетариата. Против них была организована настоящая кампания клеветы, конечно, тайной, под сурдинкой.

Правда, Маркс торжественно обвинял Бакунина в невежестве за его требование уничтожения права на наследство. «Старая ветошь сенсимонизма», объявлял Маркс. Но он забыл, что в его пресловутом Коммунистическом Манифесте, переведенном Бакуниным на русский язык, это самое требование красуется третьим среди девяти пунктов о монополии государства и организации государственной армии труда, особенно для обработки полей по общему плану. Откуда такая забывчивость? Не потому ли забыл Маркс об этом пункте, что Манифест его и Энгельса не их произведение, а бесстыдный литературный плагиат Манифеста Виктора Консидерана* «Principes du Socialisms — Manifeste de la Democratic au XIX siele»?⁵⁵ Даже и этим нельзя объяснить забывчивость, потому что именно пункты о монополиях и о наследстве их собственное измышление, которое они повторили в прокламации (1848 г.) к немецкому народу («Ограничение права наследства», пункт 14).

Кроме этого вздорного и крайне недобросовестного принципиального обвинения, Маркс не приводил ни одного. Даже об отрицании государства не упомянуто. Оно и понятно: тогда социализм не был еще превращен немцами в империализм, в казарму и в общественное рабство. Даже гораздо позже, в 1891 г., играя в популярность, Энгельс писал языком анархистов, говоря, что «в социалистическом обществе государство вместе с прялкой будет сдано в музеум».

---

* Плагиат Манифеста В. Консидерана Марксом и Энгельсом теперь вполне установлен. Это признал знаменитый литературный критик Георг Брандес в «Berliner Tageblatt» 19 августа 1913 г.; итальянский соц.-демократ Лабриола, и даже сам Каутский принужден признать, что «без сомнения все эти идеи (alle diese Ideen) содержатся в Манифесте Консидерана» («Die neue Zeit», 1906, стр. 697).

Но ежели у Маркса не имелось против Бакунина аргументов научных, он обладал неиссякаемым запасом злобы и клеветы. Чего только не возводил он на Бакунина, а кстати, и на Герцена... Вот образчик честности гражданина Маркса:

«Бакунин, который с того времени, как он захотел выдавать себя за *руководителя европейского рабочего движения*, облыжно отзывался о своем друге и покровителе Герцене, сейчас же после его смерти принялся громко его восхвалять. Почему? Герцен, несмотря на то, что он сам был богатым человеком, получал ежегодно 25,000 рублей на пропаганду от дружественной ему псевдосоциалистической панславистской партии в России. Благодаря громким славословиям Бакунина эти деньги перешли к *нему*, и он таким образом в денежном и *моральном* отношении *sine beneficio inventarii*⁵⁶ вступил во владение «*наследством Герцена*» — *malgre sa haine de héritage*»⁵⁷.

И эту гнусную клевету на двух лучших людей русской, да и общечеловеческой свободной, революционной мысли, Маркс написал на бумаге главного Совета Интернационала, усугубляя злостную клевету международным подлогом. Спрашивается, откуда Маркс мог почерпнуть подобные гнусности? Да ниоткуда; сам выдумал. Ведь печатал же он раньше, что Герцен получал деньги от Наполеона III, что Бакунин был тайным агентом русского правительства. Да разве только относительно Герцена и Бакунина Маркс был недобросовестен? А в науке? Ведь присвоил же себе прибавочную стоимость Томсона⁵⁸, книгу которого он раньше цитировал против Прудона; присвоил же из книги Бюре*⁵⁹ историю рабочего законодательства при Эдуарде и Елизавете английских; присвоил же концентрацию капитала; а его друг и сотрудник всей жизни Энгельс так уж и всю книгу Бюре себе присвоил; да, кстати, и закон минимума заработной платы Тюрго присвоил. Таким людям источников не требуется.

Мы с отвращением остановились на клеветах Маркса и его сподвижников и последователей против Бакунина и Герцена. Мы вынуждены к этому нескончаемым количеством убогих листков и брошюр, повторяющих *на русском языке* всю безнравственную пошлость патентованных плагиаторов и клеветников. Подумайте только, нашелся русский переводчик книги Иекка⁶⁰, в которой о Бакуине сказано нечто такое, что к лицу рабу кайзера, но что недостойно честного человека, а тем паче русского, мало-мальски знакомого с родной литературой. Ведь переводчик и распространитель клеветы сам становится клеветником.

* Eugene Buret. «De la Misere des classes laborieuses en Angleterre et en France».

Были и другие причины для клеветы на Бакунина и Герцена. В 1848 г., когда Маркс и Энгельс напечатали первую клевету, Бакунин защищал права немцами угнетенных славян, а клеветники защищали немецкое угнетение, отрицали автономные права тех же славян. Это первое. А вот и второе. Согласно пониманию сороковых годов, социальная демократия была синонимом республики, социализма и революции. Французская *Democratie socialiste*⁶¹ Ледрю-Роллена, Луи Блана, Флокона и Бланки и совершила Февральскую Революцию, и комиссию социальных реформ учредили под председательством Луи Блана и рабочего механика Альбера. Да и немцы того времени, подражая французам, понимали демократию социальной как республиканскую, что ясно видно из прокламации к немецкому народу (март 1848), подписанной Марксом, Энгельсом, Вольфом⁶² и другими, провозглашавшей Германию *республикой*. А в 1868–73 вплоть до наших дней немцы, с Марксом, Энгельсом и Либкнехтом во главе, преднамеренно и систематически стали вместо революции пропагандировать эволюцию производственных отношений, легализм и парламентаризм; о республике и помянуть забыли; а вместо социальной солидарности равноправных и свободных членов коммун и ассоциации стали пропагандировать организацию армии труда «особенно для земледелия с обработкой полей по общему плану»... по всей империи, вероятно, так как социал-демократия партия имперская, а не прусская или саксонская. А Бакунин, как видно из нижепечатаемых статей⁶³, а особенно из «Бог и Государство», звал рабочих и народ к революции для разрушения не только империи, но и всякого государства, и не легальным парламентаризмом, а бунтом, революцией.

Последней каплей, переполнившей чашу злобы и ненависти, была франко-прусская война 1870 г.

Маркс и Энгельс, как в наши трагические дни общеевропейской войны кайзер Гинденбург⁶⁴, Зюдекум⁶⁵ и прочие, объявили, что Бисмарк и Мольтке⁶⁶, разоряя и выжигая французскую территорию, избивая невооруженных крестьян, женщин и детей, вели войну оборонительную!

«Со стороны немцев эта война оборонительная» — «Французов следует высечь» (*Die Franzosen brauchen Prügel*) — «С победой Пруссии централизуется власть государства, что будет полезно для централизации немецкого рабочего класса». — Они до того увлеклись благодетельностью прусских побед, что 31 июля Энгельс писал Марксу: «Первую серьезную победу одержали мы»... (т. е. Мольтке, Вердер, Бисмарк и Энгельс с Марксом). Раз они стали отождествлять свое дело с варварством прусского милитаризма, они не задумались и посо-

действовать Пруссии. В письме от 7 сентября 1870⁶⁷ Энгельс писал Марксу, что следовало бы, от имени Генерального Совета, уговорить «Интернационал во Франции воздержаться до заключения мира»... «Ежели возможно повлиять в Париже, следует помешать рабочим вмешиваться до заключения мира» — повторяет он в письме от 12 числа. И это, когда Париж осажден озверевшей ордой убийц и грабителей. Подобный совет осажденным у честных людей называется советом предательства и измены. А Маркс, под влиянием Энгельса, выпустил от имени Генерального Совета Интернационала воззвание, приглашавшее рабочих, не немецких и французских вместе, а только французских, не братья за оружие, не защищать своих близких и свою независимость. Вот документ (он помечен 9 сентября 1870 г.):

«Il ne faut pas que les ouvriers français se laissent entraîner par les souvenirs de 1792, comme les paysans français se sont laissés précédemment duper par les souvenirs du premier» («Французским рабочим не следует увлекаться воспоминаниями 1792 г., подобно французским крестьянам, поддавшимся перед этим обманчивым воспоминанием первой империи»).

Так говорили, писали и действовали клеветники. А что писал и делал в этот трагический момент оклеветанный Бакунин?

23 августа он писал социалистам в Лион: «Ежели французский народ не восстанет поголовно, пруссаки возьмут Париж... Повсюду народ должен взяться за оружие, должен сам организовать свои силы для войны против вторгнувшихся немцев, для войны разрушительной, войны на ножах... Если вы желаете спасти Францию от рабства, разорения, нищеты на целых пятьдесят лет, вы должны совершить то, перед чем поблекнул бы патриотический порыв 1792... Дело Франции стало делом человечества. Борясь, становясь патриотами, мы спасем свободу человечества... О, если бы я был молод, не письма бы вам писал, а был бы среди вас!»

Спустя девять дней (2 сентября) Бакунин писал следующие строки:

«Вторгнись во Францию армия пролетариев английских, бельгийских, немецких, испанских, итальянских с развевающимся знаменем социализма революционного и возвещаая миру окончательное освобождение труда, я бы первый крикнул французским рабочим: “Раскройте объятия, это братья ваши, соединяйтесь с ними, чтобы выместить гниющие остатки буржуазного строя”. Но вторжение, позорящее ныне Францию, не демократическое и не социалистическое, а нашествие аристократии, монархии, солдатчины. Пятьсот или шестьсот тысяч немецких солдат топят в крови Францию. Они покорные подданные, они рабы деспота, кичащегося своим “божественным” правом... они самые страшные враги пролетариата.

Принимая их мирно, оставаясь безучастным к этому нашествию немецкого деспотизма, аристократии и милитаризма на Францию, французские рабочие предали бы не только свою свободу, свое достоинство, свое благосостояние и малейшую надежду на лучшее будущее, они предали бы также и дело пролетариата всего мира, святое дело социализма революционного».

Бакунин до того страдал от разгрома Франции и торжества немецкого, мнимо культурного варварства, что не мог усидеть в Локарно и в сентябре месяце, с согласия друзей, поехал в Лион, где и принял активное участие в неудавшейся попытке учреждения революционной коммуны*. Глубоко огорченный лионскими событиями, а также и настроением населения Марселя, куда он проехал из Лиона, Бакунин занес в свою рукопись следующие прекрасные строки, полные глубокой скорби и поразительно ясного понимания событий того времени и гибельных для демократии последствий немецких побед:

«Я не француз, — читаем мы на стр. 154, IV тома**, — но, признаюсь, глубоко возмущен всеми оскорблениями, наносимыми Франции, и прихожу в отчаяние от ее несчастий. Я горько оплакиваю несчастье этого симпатичного, великого и великодушного национального характера, этого лучезарного французского ума, выработанного и развитого историей как будто для эманципации человечества. Я оплакиваю молчание, которое может быть наложено на мощный голос Франции, возвестивший всем страждущим и угнетенным свободу, равенство, братство и справедливость. И мне кажется, что ежели великое солнце Франции померкнет, затмение наступит повсюду, и какие бы разноцветные фонари ни зажгли резонерствующие немецкие ученые, им не удастся заменить простую и великую ясность, распространяемую на весь мир французским гением.

В то же время я убежден, что поражение и подчинение Франции, и торжество Германии, поработанной пруссаками, отбросит Европу во мрак, в нищету, в рабство минувших веков. Я до того убежден в этом, что мне представляется как священная обязанность для всякого, кто любит свободу, кто желает торжества человечества

* В этом очерке мы не можем останавливаться на отдельных эпизодах жизни М. А. Бакунина. Подробный рассказ о восстаниях в Дрездене, Праге, Лионе, о попытке в Болонье, о Коммуне в Картагене, и вообще об испанских движениях начала семидесятых годов потребовал бы большой многотомный труд, подобный труду Д-ра Неттлау. По той же причине мы не коснулись фактической стороны участия Бакунина в жизни и деятельности русской революционной молодежи. (В последующих томах, объясняя значение и повод издания отдельных произведений, мы постараемся пополнить фактическую сторону.)

** Euvres, tome IV. Paris, 1910. Издание под редакцией Джемса Гильома.

над зверством, какой бы национальности он ни был — англичанин, испанец, итальянец, поляк, русский и даже немец — он обязан принять участие в демократической борьбе французского народа против вторжения германского деспотизма».

Пророческие слова! Победа Германии в 1870 г. привела Европу к настоящей варварской войне, перед которой блекнут все зверства Ксерксов⁶⁸ и Аттил⁶⁹, Тамерланов⁷⁰ и Османов⁷¹. Эти герои крови и пожаров были невинные младенцы перед бешеным кайзером и перед его Гинденбургам...

Бакунин с отчаянием и с болью в сердце предвидел надвигавшийся позор европейской цивилизации, но и он, наверно, не мог вообразить и сотой доли кровавых ужасов, совершенных ныне немцами в Бельгии, во Франции и в Польше.

Из приведенных цитат видно вполне ясно, что Бакунин и Маркс были два антипода в политике, в социализме, в Интернационале и в частной жизни. Вражда между ними — вражда двух мировоззрений, двух различных натур и характеров. Характер Бакунина очерчен Герценом в одной фразе:

«В нем было что-то детское, беззлобное и простое, и это придавало ему необычайную прелесть и влекло к нему слабых и сильных, отталкивая одних чопорных мещан».

Маркс отталкивался от него, но не как простой чопорный мещанин, а как немецкий патриот и враг французской республиканской и революционной демократии. Он не мог простить Бакунину и его талантливым друзьям, особенно Джемсу Гильому, их защиту Франции против немецких орд кайзера, королей и принцев. Он искал случая отомстить им, и случай скоро представился на Гаагском конгрессе Интернационала в 1872 г., на который делегатов настоящих, выборных приехало очень мало. Зато была многочисленная делегация по бланкам, привезенным, по просьбе Маркса, другом его Зорге⁷² из Нью-Йорка. Бланки были розданы друзьям Маркса, даже не членам Интернационала, как например, Молтману Бери, агенту *английских консерваторов*.

Настоящие члены основатели, напр., Герман Юнг, возмущенные этой черной кабалой, отказались ехать, хотя Маркс с Энгельсом два раза приходили в мастерскую Юнга, уговаривали ехать на конгресс, предлагали денег на дорогу и на расходы. Конгресс все же состоялся, и подобранное большинство в Гааге изгнало из Интернационала Бакунина и Джемса Гильома. Немцы торжествовали. Но на следующем конгрессе, 1873 г. в Женеве, настоящими делегатами от федерации Английской, Бельгийской, Голландской, Испанской, Итальянской, Французской и Швейцарской (знаменитая Юрская Федерация)

гаагские решения были отвергнуты, Генеральный Совет уничтожен и пунктом 3 пересмотренных статутів Интернационала было установлено, что —

«Федерации и секции Ассоциации вполне автономны, т. е. организуются и ведут свои дела согласно их собственным решениям, без всякого постороннего вмешательства, а равно сами выбирают направление и приемы деятельности, ведущей к освобождению труда».

Таким образом, настоящий Интернационал осудил людей, злоупотребивших доверием рабочих классов и тайком стремившихся содействовать победам немецкого деспотизма над демократической республикой, только что провозглашенной во Франции. Казалось, Бакунину было дано полное удовлетворение и он мог торжествовать победу. Но поражение Франции, разгром Коммуны, самый скандал и распадение Интернационала глубоко огорчили Бакунина.

Ему исполнилось 58 лет. Годы тюрьмы в цепях сказались в преждевременной старости могучего организма «исполина с львиной головой». Порок сердца все усиливался. Он уединился в Локарно, и последние четыре года своей жизни провел за работой над большей частью, ныне изданных по-французски, его произведений.

Первого июля 1876 г. Бакунина не стало. Он умер в госпитале в Берне, на руках своих старых друзей Рейхеля и Адольфа Фогта.

На похороны его явились представители социалистов *пяти* национальностей. Вечером того же дня они собрались на митинг и приняли следующую резолюцию:

«Рабочие пяти национальностей, собравшиеся в Берне на похоронах Михаила Бакунина, будучи одни сторонниками рабочего государства, другие — свободной Федерации обществ производителей, полагают, что примирение между ними было бы не только очень полезно и весьма желательно, но и легко осуществимо на почве принципов, формулированных в пункте 3 статутів Интернационала, пересмотренных конгрессом 1873 г. в Женеве».

Этот призыв к единению борцов за освобождение труда остается самым лучшим венком, возложенным на могилу Бакунина.

4 октября 1915.

